

КУЛЬТУРА ЮЖНОЙ АЗИИ

Н. Г. Краснодембская

ПЕСНИ ВОЗЧИКОВ БЫЧЬИХ ПОВОЗОК И ИХ МЕСТО В ФОЛЬКЛОРЕ СИНГАЛОВ (ШРИ ЛАНКА)

А Н Н О Т А Ц И Я . В представленной статье автор сообщает общие сведения о фольклоре основных жителей Шри Ланки — сингалов — и его изучении. Сингалы имеют древние культурные традиции и любовно относятся к своему фольклорному фонду. Разные формы фольклора сопровождают у них практически все жизненные этапы и виды действий и занятий человека. Отдельные разделы фольклорного фонда посвящены периоду детства и взросления человека, времени любви и материнства и т. д. Богат раздел, связанный с календарно-хозяйственным циклом, с различными занятиями и профессиями. Уже накоплен значительный объем фольклорных текстов, в основном благодаря усилиям энтузиастов. Начало фольклорных коллекций было положено еще в конце XIX — начале XX вв.; корифеями в этой области стали Хью Невилл и Генри Паркер. Теперь популяризация родного фольклора считается у сингалов патриотическим делом. Тем не менее с точки зрения теории сингальский фольклор пока мало осмыслен. Автор концентрирует внимание на таком разделе *песен дороги*, как *каратта кави* (песни возчиков бычьих повозок), используя литературные материалы и собственные полевые наблюдения, ссылаясь на мнение сингальских коллег, историков и филологов. В статье приводится около тридцати образцов этих стихов-песен, дан их перевод на русский язык и комментарий к ним. Главными функциями этих песен Н. Г. Краснодембская считает заклинательно-магическую и этикетно-эмоциональную.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : мобильность/движение, сингалы, Шри Ланка, фольклор, каратта кави

У Д К 398(548.7)

DOI 10.31250/2618-8600-2019-4(6)-12-31

К Р А С Н О Д Е М Б С К А Я Нина Георгиевна — к. филол. н., д. и. н., в. н. с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: nigekrasno@mail.ru

Основные жители Шри Ланки — сингалы — имеют очень древние культурные традиции (убедительные исторические сведения о них относятся ко времени не позже середины I тыс. до н. э.). Особенностью их культурной истории является тот факт, что предки сингалов переселились на остров Ланку из гораздо более северных районов. Одним из доказательств этого является принадлежность сингальского языка к той же группе, что и северные индийские языки, такие как хинди, маратхи, пенджаби, гуджарати, бенгальский и т. д. Поселившись на острове в Индийском океане, у южной оконечности полуострова Индостан, в течение многих веков сингальские предки не покидали этой территории и, таким образом, в значительной степени изолировались от прежних родственных и соседних народов. Впрочем, остров Ланка лежит на перепутье морских маршрутов, которые были активны практически на всем протяжении истории и остаются таковыми. Этот фактор тоже не мог не сказаться на развитии местной культуры. Кроме того, сингалы в свое время впитали некоторые культурные особенности и достижения аборигенного населения Ланки (ныне оно представлено малым народом *ведды*) и жителей соседней Южной Индии. В более поздние века через колониальных правителей из Португалии, Голландии, Великобритании они познакомились и со многими традициями европейской цивилизации.

Так или иначе, культуру современных сингалов отличает, с одной стороны, большая гибкость в восприятии и приспособлении чужих традиций, а с другой стороны — удивительный в отдельных случаях архаизм культурных понятий, норм, реалий и артефактов. Что и вызывает особый интерес исследователя.

У сингалов богатейшие фольклорные традиции, пока еще мало изученные, но не оставшиеся без пристального внимания ученых (хотя бы на уровне сбора материала). Разные формы фольклора сопровождают практически все жизненные этапы и виды действий и занятий сингалов.

Немалая часть фольклорного фонда посвящена периоду детства: прежде всего, это те народные произведения, которые обращены от лица взрослых к детям — разнообразные колыбельные песни для малышей, поучительные и назидательные стихи/песни¹ для подрастающего поколения. Особую группу составляют те, что предназначены для исполнения самими детьми. В том числе имеются и такие *кави*, какими взрослые пользуются для помощи маленьким детям в физиологическом *облегчении*. Поучительные стихи обращаются и к повзрослевшей молодежи: они содержат нравственный код поведения для юношества и предупреждают

¹ По-сингальски чаще всего эти и другие фольклорные формы именуется *кави* (букв. стихи), но они всегда исполняются на определенную мелодию, в определенном ритме, точность соблюдения которого очень важна. Для удобства и краткости изложения мы в дальнейшем будем часто использовать этот термин. Отметим, однако, что для наиболее певучих *кави* (например, для колыбельных песен) сингалы используют и термин *ги* (букв. 'песня').

о возможных трудностях жизненного пути. Свое место занимают *кави*, сопровождаемые игрой на особом (женском) барабане: чаще всего они исполняются именно женщинами по специфическим ритуальным поводам, например, в случае наступления половой зрелости у той или иной девушки, о чем традиционно оповещают всю деревню. Также особый набор составляют песни любовные (с признаниями в нежных чувствах и переживаниях души и приворотные). Заметная группа формируется из стихов, посвященных матери: ее особому статусу и самоотверженному характеру. Закат жизни, время потерь тоже опоэтизированы фольклорной формой *кави* горестных.

Богатый фольклор связан с природным календарем и сельскохозяйственными циклами. *Кави* посвящены самим природным явлениям: озеру, реке, дождю (влаге), цветку лотоса (который растет в воде и символизирует влагу), тем продуктам земли, которые люди выращивают, — просу и рису. Есть песня о рождении риса, песни о пчелах (их участие в обретенной плодородности посевов объяснять не требуется), о сборе урожая. Часть текстов связана с праздничной символикой (нового года, праздника урожая, религиозных празднеств).

Пением (или распевным чтением стихов) сопровождаются различные праздничные мероприятия — торжественные шествия, традиционные игры. В арсенале праздничных забав присутствует рассказывание сказок (это уже проза, хотя рассказ может включать и стихотворные элементы), загадок, анекдотов (например, про любимого исторического персонажа — шутника, насмешника и умника Андаре²).

Значительная часть фольклора связана с профессиями и трудовыми занятиями людей. Поют песни, работая в поле, сторожа посева (от набегов обезьян, слонов и других животных), обмолачивая зерно на току, копая колодцы, отправляясь с кувшином за водой, раскачивая качели, сплетая гирлянды к празднику. Свои *кави* имеются у рыбаков, лодочников, возчиков, рудокопов, плетельщиков, гончаров, сборщиков пальмового сока.

В песнях-стихах обращаются за помощью к высшим силам: Будде и богам (сингальские буддисты исповедуют также и культ богов-покровителей), различным местным святыням. Сами сингалы и эти тексты нередко называют *джана кави*, то есть *народные стихи/песни*.

Изучение сингальского фольклора все еще находится в основном на стадии собирательства и отдельных публикаций, до серьезного теоретического исследования этого богатого народного наследия, решения вопросов жанровых характеристик, датировок и тому подобного дело пока не дошло. Исключением можно считать раздел сказок: еще в начале XX в. их собиранием занимался английский ученый Г. Паркер: трехтомное собрание

² Считается, что он жил при дворе одного из сингальских царей.

сказок впервые было опубликовано им в 1910 г. Эти сказки были переведены на русский язык (Сингальские сказки 1985), их теоретическому осмыслению посвящены работы советских исследователей О. М. Солнцевой и Б. М. Волхонского, которые до настоящего времени остаются основными по указанной теме. Большую роль в собирательском деле сыграл Хью Невилл. Он родился 19 июня 1848 г. и уже в 17 лет прибыл на Цейлон в качестве личного секретаря верховного судьи (Chief Justice). С 1 сентября 1869 г. британский губернатор Цейлона назначил его переписчиком на государственную гражданскую службу. Позже Хью Невилл занимал разные должности по полицейской и судебной линии (в частности, исполнял обязанности судьи округа Баттикалоа). Однако рутинная работа, кажется, была Невиллу не по вкусу, его больше интересовали естественная история и народ той страны, в которой он оказался, и по возможности он занимался этими предметами.

Множество его работ посвящены зоологии Цейлона. Он являлся членом Зоологического общества Лондона и собрал значительную орнитологическую коллекцию на Цейлоне (она до сих пор хранится в Британском музее) и там же еще одну — конхиологическую (цейлонских раковин).

Но еще больше его вспоминают на острове за его труды по сбору коллекции местных древностей, особенно рукописей на пальмовых листьях, среди которых большинство совершенно оригинальных. Свои работы по этой части он публиковал в таких изданиях, как «Journal of the Bengal Branch of the Royal Asiatic Society» и «Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society», они составляли также значительную часть содержания журналов «Taprobanian» (1885–1888), который он издавал на собственные средства, и «Oriental Studies» (1888). Рукописи на пальмовых листьях, собранные Х. Невиллом, очень разнообразны по содержанию, с формальной точки зрения это и проза, и поэзия. Невилл сам работал над составлением систематического каталога (*catalogue raisonné*) этих текстов. Часть, посвященная прозе, когда Невилла не стало, поступила на хранение в Британский музей³. Поэтический же раздел после смерти собирателя был утрачен, и восстановить его удалось лишь в 1938 г., когда поэтические тексты обнаружили среди множества разнообразных бумаг, хранившихся в старом ящике у одного из родственников покойного. Соединенные вместе, они составили собрание, насчитывающее около 900 *кави*. Каждый приведенный текст представлен на сингальском языке и в английском переводе и сопровождается комментариями. Похоже, что это был

³ Невилл скончался во Франции (курорт Йер на Лазурном берегу) в апреле 1897 г. Поначалу французское правительство завладело оставшимися после него рукописями, но по представлению известного цейлонского ученого проф. Д. М. де З. Викрамасинхи британские власти вытребовали их для Британского музея. По известным нам сведениям, сами рукописи из коллекции Невилла хранятся в библиотеке Британского музея.

черновой вариант каталога, сделанный Невиллом, чтобы предложить его Британскому музею. Находку передали в Национальный музей столицы Цейлона Коломбо. Работу с найденными материалами продолжили, и поэтический каталог был издан в 1954 г. на средства нескольких местных специалистов по древней сингальской литературе. Редактором издания выступил директор Национального музея Коломбо П. Э. П. Дераниягала — выдающийся сингальский историк и археолог.

Издание представляет собой трехтомник формата 15,5×24,5 см, каждый том объемом примерно в 330–360 страниц, с убогим шрифтом. Описанные в каталоге рукописи содержат тексты самого разного плана: исторического и легендарного содержания, разнообразные буддийские религиозные (включая некоторые джатаки), о персонажах культа богов-покровителей, астрологического, демонического (эти культы актуальны и для современных сингальских буддистов), тексты, посвященные организации обрядов и ритуального антуража, благопожелательные, игровые (например, загадки) и многие другие. Как видим, задача сбора материала была для Невилла основной, а вопросы теории стояли на дальнем плане. Похожим остается положение в разделе изучения фольклора сингалов и в настоящее время.

Хью Невилл уделил заметное внимание и фольклору метисных групп населения Шри Ланки — кафров, или *кафриння* (потомков от браков португальцев с местными женщинами) — на креольском языке. Он сам записал от этих людей более тысячи четверостиший, его дело продолжали А. да Силва Рего, Кеннет Давид Джексон, Шихан де Силва Джаясурия. В настоящее время потомки португальцев (по религии они обычно по-прежнему католики) чаще всего говорят на сингальском языке (некоторые изучают английский в школе), но память о старом родном наречии все еще живет. Прежде всего — как раз через сохранение своего фольклора. На домашних праздниках, свадьбах поют португальские песни, исполняют особые танцы (при этом, между прочим, употребляют алкоголь, что противоречит обычаям основного населения страны — сингалов, тамиллов и мавров) (Краснодембская, Соболева 2014). Интересно отметить, что некоторые песенки и частушки кафриння имеют хождение и в чисто сингальской среде, в основном в детской культуре. Эти произведения сочинены в бодром, бойком, оптимистичном ритме, близком к танцевальному, потому легко запоминаются и занимательны для исполнителей и слушателей.

В собрании Хью Невилла, однако, песни погонщиков бычьих повозок отсутствуют, но важность его деятельности заключается уже и в том, что он показал самим сингалам, какова культурная значимость фольклорного (то есть общенародного) наследия и сколь важно его сохранять и дорожать им.

Так или иначе, в народной сингальской среде вполне сознают ценность родного фольклора, более того — знание творчества предков для местного населения служит одним из способов этнического самоутверждения. Стремление к утверждению своей идентичности особенно обострилось после гражданской войны (которая развернулась преимущественно между сингалами и местными тамилами с начала 1980-х годов до мая 2009 г.) и тяжелейшего стихийного бедствия (жестокого цунами в 2004 г.). На фоне патриотического подъема у сингалов еще более активизировалось обращение к традиционным национальным ценностям (Краснодембская 2012). Внимание к традиционной культуре и к истории стало еще более пристальным, а старинный деревенский образ жизни вовсе приобрел некий романтический ореол. В столице страны создан музей под открытым небом, имеющий название «Наша деревня» (*Ane gama*), где воспроизведены строения и интерьеры традиционных селений, представлены основные занятия деревенских жителей. Например, здесь воспроизведена площадь тока для обмолота риса. Быки на ней, правда, ненастоящие, но крестьянин был живой, настоящий, в традиционном одеянии, он пропел для меня и сопровождавшей меня компании местных жителей старинную песнь *тока*. Вот некоторые ее части:

...В подходящее время рис надо сжать,
Выбрать хорошее место для тока,
Хорошо подготовить землю
И засыпать песком...

Затем приводят на это место быков,
Берут в руки поводья,
Соединяют всех на привязи
И обращаются к богам...

Ты, идущий первым, царь быков,
И ты, который с ним рядом,
И ты, самый маленький,
Топчите-ка поскорее рис...

В центре тока идет царь быков,
А ближе к краю молодые бычки.
Мы вам позолотим рога
И хвосты украсим жемчугами...

Составить и выпустить сборник таких народных *кави* считается, как выразились бы мы, делом богоугодным. Это совершается для

популяризации фольклора и для того, чтобы показать свою преданность национальной культуре, поэтому время от времени такие сборники появляются⁴ и пользуются спросом⁵. Кроме того, фольклор тем или иным способом (например, при организации праздничной самодеятельности) изучают и в школе.

Песни возчиков в наше время обычно обязательно включаются в сборники «народных кави» (*джана кави*), нередко люди знают их наизусть. Связаны они были со старинной традицией перевозки товаров (соли, кокосов, овощей, других растений, плетеных и глиняных изделий и т. п.) из одного района острова в другой или просто из одного селения в другое, где в определенное время устраивались регулярные ярмарки. Иногда перевозили и людей в те места, где проходили важные праздники и совершались особые обряды. Осуществляли эти поездки крестьяне, владевшие быками и самими повозками (*караттая*)⁶, они перевозили собственные товары и продукты, а также, за договорную плату, и чужие.

Верхняя часть повозок имеет особую форму (в проекции это трапеция с узким основанием внизу) и закругленное навершие, так что получается подобие навеса с выступами в передней и задней части (рис. 1, 2, 3). Такая форма обеспечивает больше тени для поклажи и людей. Низ боковых стенок иногда делается со сквозными отверстиями большего или меньшего диаметра, для проветривания, что важно в жарком климате (при необходимости, если становится прохладно, например, на горных вершинах, эти отверстия можно закрыть изнутри циновками). Вся конструкция такого мобильного шалаша/хижины устанавливается на платформе, к которой крепятся два больших деревянных колеса с металлическими ступицами и ободами.

В повозку обычно впрягают пару быков (хотя бывают и волы). В передней части платформы по бокам к ее дну прикрепляют ряды бубенцов, которые звенят в такт ходу животных. Нередко и на шеи быков подвешивают колокольцы. Сопровождают повозку, как правило, два возчика, в пути иногда отдыхают сидя на оглоблях или по равнине, где дорога полегче, в спокойной (с точки зрения воровства) местности даже спят по очереди в период езды. Для этого устраиваются в гамаке (сделанном из пустых мешков) под дном повозки. В трудных местах управляют животными и самой телегой оба возчика вместе. Часто несколько повозок отправляются в путь цепочкой, своеобразным караваном. В целом труд возчиков

⁴ Чаще всего они издаются за счет самих составителей (для которых это *пунья* — религиозная заслуга, которая, по буддийским понятиям, благоприятна для будущих рождений).

⁵ Два таких популярных сборника, не претендующих на строгую научность, стали и для нас основой первичного рассмотрения оригинального феномена сингальских *каратта кави* как варианта «песен дороги»: «Апе джана кави» («Наши народные песни», 2011) и «Баса раса карана джана кави» («Сладкозвучные народные песни», 2016). Обе книжки на сингальском языке.

⁶ Отсюда название этого раздела сингальского фольклора — *каратта кави*, «песни повозок».

Рис. 1. Бычьи упряжки. Цейлон (Шри Ланка). Конец XIX в.

Рис. 2. Бычьи упряжки. Цейлон (Шри Ланка). 1930-е.

тяжелый и напряженный, он невозможен без взаимопомощи. Правда, сейчас на подобных повозках торговцы ездят очень редко.

Ритм исполнения *каратта кави* соответствует ритму движения повозок (и звуку звенящих элементов), он в основном плавный и спокойный и сам по себе подходит к содержанию песен возчиков, многие из которых грустные. Обычно *кави* про возчиков — это четверостишия из рифмованных строк. Рифма почти всегда бывает начальной (рифмуются начала четырех строк) и конечной (рифмуются концы строк, часто это глагольная рифма), изредка она бывает и срединной. Вариации ритма, при его общей заданности, зависят от длины строк.

Большая часть текстов — это нарративы, описывающие конкретные ситуации процесса передвижения повозок по заданному пути, которые уже случились или скоро должны осуществиться. В *каратта кави* обрисовывается и физическое состояние людей и животных, совершающих свой нелегкий трудовой подвиг, и настроение и эмоции самих возчиков, некоторые их воспоминания, надежды. Не исключаются ирония и шутливость, часты мольбы о помощи, обращенные к высшим силам. Исполнители нередко затягивают свои песни как солдаты в строю: первые в цепочке запевают, следующие подхватывают друг за другом. В этом выражается взаимная поддержка, некое единство.

Рис. 3. Бычьи упряжки в порту. Цейлон (Шри Ланка). Начало XX в.

Надо сказать, что сам смысл текстов не всегда прозрачен и требует некоторого усилия для понимания. Во-первых, *кави*, как правило, коротки и лапидарны, основное содержание может быть выражено лишь некоторыми намеками, которые вполне понятны только самим участникам процесса передвижения. Во-вторых, иногда в них используются особые слова и выражения, которые понятны даже не всем носителям сингальской культуры. Автору данной статьи разобраться в этих текстах помогали сингальские друзья — историки и филологи. И все как один, толкуя конкретику смыслов, утверждали, что очень важно не просто понять, а прочувствовать настроение и эмоции лирических героев этих народных произведений. «Стихи эти не слишком литературные по языку, — написал мне один из моих консультантов, — зато передают искренние чувства любви, раздумья [этих людей] о жизни и смерти, понятия о смысле жизни, их отношение к труду и остальному миру, включая растительный и животный мир. Очевидно, что все это формировалось на почве буддизма, поскольку большинство *каратта карая* были, вероятно, сингалами-буддистами»⁷.

Обратимся, наконец, к самим текстам. Для собственного удобства мы рассмотрели их в том порядке, как они представлены составителями в упомянутых нами сингальских сборниках, в последовательности, принятой составителями. Итак, мы имеем возможность привести в переводе на русский и с комментарием следующие *каратта кави*.

1. Один спереди, другой сзади ведем повозку,
В Катукале, не отвязав быков, делаем привал,
В Хапутале уже просто дух занимается,
За грехи [прежних рождений] приходится лезть на Хапутале.

Здесь описывается трудный отрезок пути: предстоит труднейший подъем на гору Хапутале. Активно работают оба возчика: чтобы повозка не сбилась с дороги, один следит за ней спереди, другой — сзади. Чтобы не расслаблять быков, даже на привале в местечке Капутале их не распрягают, а значит мучают, о чем искренне сожалеют. Трудна профессия и для человека, и для его помощника — животного. Но вот и сам тяжелый подъем: у возчиков в буквальном переводе «горят внутренности» (то есть «дух захватывает»), им очень страшно от сознания большого риска на крутой горе. Подгоняют и поддерживают себя нравоучением: «[это наказание нам] за грехи прежних рождений, так что ничего не поделаешь — придется взбираться на перевал по крутому подъему».

⁷ Нужно иметь в виду, что население острова полиэтнично (кроме сингалов здесь живут индусы — тамилы, мусульмане — мавры — и некоторые другие группы, часть из которых тоже занималась торговлей). *Каратта карая* — 'возчик' (синг.).

2. Куст разрастается для того, чтобы пошли новые побег.
 Чтобы расчесать для красоты косу, смазываешь волосы маслом.
 Луна растет, чтобы [через полнолуние] «прийти» к новолунию.
 Неужели богам не понятны мои горести?

По утверждению моих консультантов, третью строку можно перевести и таким образом: Тем ярче луна, чем гуще тьма вокруг. Но так или иначе, главный намек здесь на желание молодого героя обрести жену, семью. О свадьбе он думает, богов просит о помощи.

3. Девушка-девица, все еще разрываешь [на полоски] листья пальмы инди?
 Все еще сплетаешь [из них] кошелек?
 Отдашь ли [его мне] за одну [монетку] панаму?
 А не сплела ли ты тот кошелек, что я заказывал?

Описывается придуманная ситуация жениховства (утешительно-мечтательная песнь для молодого возчика): воображается сцена заигрывания с девушкой, намеки на приданое, на взаимное чувство.

9⁸. На том берегу привязали быка к столбику из железного дерева.
 А на этом берегу привязали к столбику из дерева сапу.
 Сорвался бык [с привязи] и прыгнул в течение вод.
 Ах, мой драгоценный, мой жемчужно-золотой,
 мой любимый пятнистый бык!⁹

Четверостишие выражает главное чувство человека к своему помощнику, а также говорит о долге хозяина заботиться о животном. Реально возчики и относились к своим быкам с лаской и заботой: старались не использовать кнута, щекотали в области хвоста (что приятно животному), обращаясь, называли «сынком» (*путе*).

10. В детстве у меня жил детеныш игуаны.
 Когда я оставался в доме один, он [был тот, кто] любил меня.
 Смерть пришла, увела ящерку.
 Пусть она попадет в город Нирваны.

Грустное настроение человека (видимо, он тоскует по семье, родным, тем, кто любит его, но сейчас находится вдали) вызывает грустное воспоминание. И даже мысли о смерти, с которой приходится смириться. Но

⁸ *Кави* с № 4 по № 8 на самом деле относятся к другому разряду — песням лодочников, поэтому для «чистоты эксперимента» мы их опускаем, но отметим, что вполне возможно, чтобы возчики пели и *кави* лодочников, тем более, что эти стихи очень поэтичны и воспевают нежные чувства.

⁹ В оригинале, как и положено, четыре строки.

любовь выше всего, и человек (мечтая о ней) желает маленькому умершему животному лучшего, что может дать буддийская мысль. Напомним, что по буддийским понятиям, перерождения могут осуществляться и в животном, и в человеческом облике.

11. Выстилают дорогу черным щебнем, вбивая его [в грунт].
Ступая по этим камням, быки стирают себе копыта.
Не быкам, так волам тащить грузы.
А поднимаемся сейчас в гору Киригалпотта.

Философствование насчет сложностей жизни: всякое дело требует затрат и немалых усилий (примерно как наше «без труда не вытянешь и рыбку из пруда»), и людям и животным приходится вкладывать в дело собственные жизненные силы.

12. Хорошо, ровно идет [бык] Калувайра,
А [бык] Ратувайра¹⁰ вдруг взял и обогнал его.
Пришлось пустить в ход палку.
Тут обод колеса повело в канаву.

И здесь зарисовка мелкого дорожного происшествия сочетается с размышлением: стоит в одном месте нарушить должный ход вещей, и сбивается общее течение, весь устоявшийся порядок.

13. Мне, кто [привык] пить воду из серебряного кувшина да золотой чашки,
Сейчас и глотка воды даже в черепке не получить, хотя меня мучит жажда.
Все имеется у нас [во дворце], и подушки, и матрасы,
Да вот пришлось лежать мне здесь на земле под деревьями палу и вира.

Эти слова как предсмертное высказывание приписываются тому самому Андаре, придворному любимцу-шутнику, который был упомянут выше. Тональность их примерно та же, что в русском выражении «человек предполагает, а Бог располагает». Судьба непредсказуема, подстилай соломку или не подстилай. В стихотворении содержится косвенное указание на тот факт, что Андаре скончался далеко от дворца своего покровителя, а именно на севере страны, где как раз в его времена произрастало много деревьев палу и вира со вкусными съедобными плодами (эта радость уже безразлична для умирающего).

¹⁰ Калувайра — имя собственное для быка, означает «с черными пятнами»; Ратувайра — «с рыжими пятнами».

14. Что бы ни говорили в проповедях, грехи [прежних рождений] приносят свои плоды.

А мы живем, не заботясь о благих результатах от добрых деяний.

Теперь, бык, я вижу, совершал ты грехи.

Что ж, прошу тебя, тащи свою ношу, едем в Мигама/Негомбо.

Это нравоучительное рассуждение совершенно в буддийском духе служит укреплению настроения самого возчика в опасный момент пути: трудности заслужены, тяготы нужно стойко перенести. Заодно для знающего уточняется местоположение каравана, и таким образом словно бы приводится зарисовка пейзажа, рельефа и привычных в этом месте испытаний для участников движения.

15. Когда едем в тени, ощутима спасительная прохлада.

Сине-зеленые деревья на плантации Калавила волнообразно раскачиваются [на ветру].

Хотелось бы [немного задержаться], поостыть в тени.

Впереди, в Морагалле уже виднеется открытое рисовое поле.

Об этом отрывке можно сказать «что вижу, то и пою». Жалко, что заканчивается легкий и безопасный отрезок пути — под тенистыми деревьями, продлить бы отдохновение. Но долг ведет вперед, под жаркое солнце вдоль рисовых полей.

16. Решительно ошибся, нагрузив повозку больше, чем положено.

Пришлось сильно бить быков, чтобы они тащили груз и шли вперед.

Да не скажешь никому о своей ошибке.

Ты уж, Судувайро¹¹, постарайся, дотащи повозку до привала.

Угрызения совести несколько мучают возчика, оплошал в своем деле, а признаваться товарищам стыдно. И он просит быка как верного друга выручить, поднажать, справиться с нелегкой, по вине хозяина, задачей. В имени, которым человек называет быка, содержится своего рода похвала: слово *суду* ('белый') кроме прямого значения значит также «добрый», «чистый», «порядочный» (в отличие от своего провинившегося хозяина).

17. Под лунным светом мы едем.

Я погоняю пару быков.

Семь сотен гавва¹² провернули колеса.

Из-за молодых зубов рвется душа в Нарамалу.

¹¹ Судувайра — 'с белыми пятнами', имя быка употреблено в звательном падеже.

¹² Гавва — старинная сингалльская мера длины, равна примерно 5,5 км.

Песенка о ночном этапе долгого пути, когда лунный свет навевает усталому путнику романтические мысли: видимо, там, вдали, в Нарамале есть улыбающееся юное существо, к которому устремлены мысли лирического героя, молодого, судя по всему, человека.

18. От Канди до Хангуранкеты [расстояние] одна гавва.
От Хангуранкеты до Галагедары [расстояние] шесть гавва.
От Галагедары до рисового поля в Матурате только одна гавва.
А ту девушку, которая собирает урожай на рисовом поле в Матурате, печет солнце.

И снова любовный мотив: ох, долгие пути отделяют героя от той, которая сейчас, верно, собирает зерно на рисовом поле. Ей тоже нелегко под жарким солнцем.

19. Быка, созданного огнем Земли,
Быка, который плавал по волнам великого океана,
Быка, у которого луг под ногами, а он не тронет траву,
Такого быка отдают в приданое, когда дочь выдают замуж.

Похвала быку: закаленный, готовый к трудностям; подобный тому, что упомянут в одной из джатак (умел плавать); приученный к порядку (не тронет травы без разрешения хозяина), такой лишь годен дочери в приданое.

20. Из-за нашей бедности погоняем быков.
Хоть и поесть нечего, а трудимся денно и ночью.
Мучаем быков, гоняем их.
Да помогут нам теперь боги в наших горестях.

Жаль животных — мучаем их; но и сами трудимся самоотверженно — все от нашей бедности. Одна надежда остается: на помощь богов.

21. В районе Галле мы много продали тканей.
[Пусть] в рыбном кари не было рыбы, только подливка.
Но разве не было между нами дружбы, почему ты так поступил?
Эй, муравей, не смейся надо мной, уйди прочь от меня.

Речь идет о размолвке между возчиками: столько вместе испытали и хорошего (удача в продажах), и плохого (много трудились, на еде экономили). И вот один предал другого — даже муравью смешно.

22. Пустыми сейчас мы едем, не везем ничего.
[А] все стираются копыта о черные камни.

И сзади и спереди сидим в повозке.
Одолеваем подъем на гору Кадуганнава.

Зарисовка поездки будто бы облегченной (едут, а не идут пешком, поскольку не везут никаких товаров), а все-таки настроение не совсем спокойное, так как впереди трудный подъем/проход (так называемое узкое горло), характерный для горы Кадуганнава, с труднодоступным перевалом.

23¹³. Бык с дальнего берега, откуда ручьи текут в водохранилище,
что имеется в деревне кафринья,
Тот, что ходит, качая головой на каждом шагу,
Которому удачно к морде подходят серьги,
[Ты], белый бык, доставь же нас в Катарагаму.

Повозка в данном случае используется для транспортировки людей, а не товаров. Люди едут в Катарагаму на поклонение богу Сканде Кумаре и хотят доехать благополучно. С просьбой об этом они обращаются к быку, запряженному в их повозку, с соответствующей просьбой и с комплиментами.

24. На скамейке в приюте для путников сидят девушки,
Родинки¹⁴ сияют у них на спинах как золотые бубенцы.
Я не то, чтобы непригоден к этому делу,
Но когда покидал Рандомбе, луна была в зените.

Красочный стишок игривого содержания (благозвучный, ритмичный¹⁵) описывает ситуацию, вполне ожидаемую для молодых мужчин в долгом пути далеко от дома. Отличается также энергичным звучанием, особенно начальная рифма всех строк: их первые слова рифмуются со словом *амбалам*, что и означает «приют для путников» (обычно это навес со скамьями под ним).

¹³ Снова одно четверостишие пропускаем, так как оно из разряда песен лодочников.

¹⁴ Точнее, пятнышки на коже (*гомара*), кажется, даже грибкового происхождения, почему-то характерные в сингалской среде для молодых парней и девушек, когда они достигают половой зрелости.

¹⁵ Амбалам поору сиТа сиГинаа ландунее
Рансалам лесаТа гоомара пиТа дилунее
Манболам ехема деекаТа нята агунее
Рандомбен пиТат вена коТа ханда мудунее

Двойной гласный обозначает долгий звук, заглавная буква — церебральный согласный. Ударение в словах на первом слоге. Присутствуют, как видим, яркие начальная и конечная рифма и более слабая срединная.

25. Рисовой горой нельзя питаться вместо риса,
Картофельной горой не заменишь картофель.
С Известковой горой не приготовить жвачку.
Выше их всех Саманала Канда¹⁶.

И бытописание (описание реальных горных вершин), и философствование: название/имя не всегда отражает суть явления, чтобы его осознать, надо «смотреть в корень». Очень красивый стишок: предельно лаконичный, звучный, с выразительной начальной и конечной рифмой.

26. Столько раз мы взбирались на горы, нет больше сил в ногах.
Столько раз тащили тяжести на спине, ребра все переломаны.
Так горестно, когда вспоминаю своих односельчан.
Может, и помереть не удастся в родной деревне.

Прямо и очень открыто высказаны чувства измученного труженика, которые он испытывает на нелегком пути, вдали от дома. Словно бы настал тот момент, когда уже трудно сдерживаться и таить свои горести в глубине души.

27. Бабочки ждут, когда распустятся цветы, их прогоняют осы.
Осы нектар собирают не так нежно, как бабочки, а грубо.
Пулия¹⁷, когда видит гору, останавливается.
Когда будет спуск, направляй быков без спешки.

По словам моих сингальских консультантов, лирический герой данного четверостишия вспоминает о девушках своего селения и беспокоится о том, чтобы чужие парни не посягнули на них (бабочки — это свои, деревенские; осы — пришлые, чужаки). Зарисовка о подъеме и спуске с горы, возможно, имеет особый подтекст.

28. Подлей масла в ступицы обоих колес, чтоб хорошо крутились.
Четыре рога тоже помажь маслом, чтобы они блестели.
Пояжи бубенцы на шеи быков, чтобы они звенели.
Возьми палку и погоняй [быков], чтобы нам ехать.

¹⁶ Есть такие горы (по-сингальски: канда) в Шри Ланке: Баталегала («Рисовая скала»), Алагалле («Картофельная гора»; точнее, гора названа по названию корнеплода, напоминающего по вкусу картофель), Хуннагири («Известковая гора»), при этом хуннас — это гашеная известь, которая добавляется в энергетическую жвачку, приготовляемую из листьев бетеля, ореха арековой пальмы и специй. Саманала канда — это Адамов Пик — действительно, самая высокая гора на Ланке; там находится почитаемая буддистами святыня — след Будды.

¹⁷ 'Пятнистый' — имя быка.

Это, вероятно, тот случай, когда в повозке везут не товары, а людей (в паломничество, на праздник или на свадьбу). Настроение праздничное, оптимистическое. Текст — словно заговор на удачу.

29. Занимается дух [от страха], когда на горы поднимаемся.
 Когда спускаемся на равнину, храбрость берет верх.
 Когда видим спуск, ноги-руки начинают дрожать.
 Бог Упулван, бог Катарагама пусть защитят нас!!!

Прямая и откровенная оценка того, чего стоит возчикам традиционных торговых повозок их трудовой подвиг.

30. В повозку Локу Аппы¹⁸, возгоревшегося желанием,
 Запряжена пара [таких] тощих волов.
 [Будто] в насмешку запрягли их в двойное ярмо.
 Приедем в Гинтоту, к теще в усадьбу — развяжем.

Некое иносказание, соленькая шутка про пожилого возчика, который не меньше молодых заскучал в дороге по женскому обществу...

31. Плохо ли к вечеру добраться до Мигама?¹⁹
 Плохо ли успеть там поторговать?
 Да не могу выносить запах вяленой рыбы!
 Нет, ни ногой я больше в тот Мигама!

Негомбо/Мигама — порт на западном побережье Шри Ланки, в устье лагуны Негомбо, славится своей рыболовной индустрией. Значительную часть населения здесь составляют этнические тамилы и сингалы, римские католики по вероисповеданию.

32. Хорошо тянет [повозку] Пятнистый [бык].
 А Лохматый [бык] ленится и отстаёт.
 Да, видно, хорошо нагрели мы [в прежних рожденьях]!
 Поспешай, бычок, [тащи уж как-нибудь] груз до привала.

Зарисовка трудового эпизода в его мелких подробностях. По эмоции — грустное переживание проблемы лирическим героем, но при этом проявляется его снисходительное и теплое отношение к животным — помощникам. Так и слышится легкий вздох, с которым произносятся эти слова.

¹⁸ Локу *Anna/Anny* — букв. «дядюшка». Притом, что у сингалов распространены кросскузенные браки, этот термин может относиться и к теще.

¹⁹ То же, что Негомбо.

33. Чтобы оба колеса хорошо крутились, смажь их маслом.
Чтобы рога [у быков] сверкали, надень на них [металлические] футляры.
Чтобы звон раздавался, надень на шеи быков ожерелье из бубенцов.
Бери в руки кнут и покажи, куда нам ехать...

Можно рассматривать этот текст как программный: *minimum minimum* того, что необходимо сделать для успешной деятельности традиционного сингальского возчика, по-сингальски — *каратта карая*. Тут упоминаются деяния и практические (забота о самой повозке, о быках, о добром кнуте и знании пути), и магико-эстетические (сверкание бычьих рогов, звон бубенцов).

Надо сказать, что понятие о магической чистоте (и нечистоте) играет очень важную роль как в ритуальной практике сингалов, так и в самой заурядной повседневности. В соответствии с ними разграничиваются практически все материальные проявления жизни и ее события: бывают «чистые» и «нечистые» растения, животные, даже люди. Лотос, манго и другие красивые, ароматные, с гладкой кожицей — конечно, чистые, благоприятные, а цветы и плоды колючие, с неприятным, быть может, запахом — они и по магическим «свойствам» занимают иное место. Кобра считается существом чистым, справедливым: она, если даже укусит — то значит «за дело», по заслугам. А вот гадюка — коварна, злонамеренна, морально ненадежна, магически нечиста. Временная нечистота свойственна женщине в особые периоды. Магически опасными считаются вдовы и старые девы.

В целом магия как инструмент и магическое знание как поведенческий ориентир составляют важную особенность сингальской культуры, формируют основы этикета, правил поведения и общения в сингальском социуме. Разнообразие видов магических действий и средств огромно: здесь и заклинательная, и предметная, и числовая, и апелляциянная магия (в обращении к Будде и богам-покровителям). Универсально и применение различных магических средств. Во многих обрядах в качестве благоносных предметов выступают кокосовый орех, пестик для толчения риса (изначально предметы с символикой фаллического культа), листья бетеля, порошок куркумы.

Само движение тоже рассматривается как магическое действо. Причем обращаясь к культуре многих народов Южной Азии, можно отметить, что понятие мобильности оказывается шире, чем только мотив пути-дороги, если рассматривать мобильность (ср. лат. *mobilis* 'подвижный') как физическое движение любого объекта или организма.

В частности, выделяются такие виды движений магико-обрядового смысла, как некоторые элементы богослужения (в процессе поклонения религиозным образам), праздничной практики, сельскохозяйственной обрядности, брачных ритуалов, театрализованных действий, военных искусств. Например, обнесение огнем идола, качельные игры, танец как таковой и др.

Эти виды движения не требуют обширного пространства, иногда совершаются и в весьма ограниченном пространстве. Показательно также, что, как правило, вокруг каждого из этих действий бывает сформирован свой более или менее значительный комплекс из верований, примет, фольклора. Этим движениям непременно приписывается магический статус. Поэтому нам кажется, что мобильность как движение по пути/дороге будет точнее называть передвижением. И как раз объем видимого пространства заметно отличает движение от передвижения (хотя на самом деле по магическому замыслу его эффект бывает рассчитан на макросферы).

Если понимать движение как противоположность статике, то мы обнаружим, что в мифо-ритуальном контексте и в обрядовой практике разных народов мира существуют еще разнообразные виды движения/движений, которым придается особое значение и которым присваивается особый (магический) статус.

В частности, у сингалов Шри Ланки в связи с понятием движение/мобильность было бы интересно рассмотреть способы почитания изображений Будды, некоторые новогодние мероприятия обрядового характера, процессы посева и обмолота риса, ритуальные формы театра, местные воинские традиции.

Рассуждая о теме мобильности, дороги, передвижения, исследователи говорят об очень разных ее ответвлениях: предлагается изучать прогулки, поездки разного характера, промысловые передвижения, миграции, даже туризм и командировочные практики. Социологи и культурологи ведут нас здесь своими особыми путями. Занятие сингальских возчиков бычьих повозок, которым мы посвятили наше первичное небольшое исследование, можно отнести к передвижениям промысловым.

Что же касается функций фольклора этих возчиков, следует отметить по крайней мере две самые главные: общую магическую (заклинательную, обережную) и частную — магику-эмоциональную. В сингальской культуре эмоциям уделяется самое серьезное внимание. Всякую эмоцию, и положительную, и отрицательную (приятную и неприятную), считается, следует пережить в полноте (и таким образом изжить ее), причем делается это по определенным правилам. Прежде всего, эмоцией следует поделиться, хотя не всякой и не с любым человеком. Этот выбор пути канализации эмоции связан с общим статусом субъекта переживаний и определенными этикетными законами, а этикет и вообще культура общения у сингалов разработаны достаточно детально. Но это уже тема других размышлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Краснодембская Н. Г. Шри Ланка: будущее как проекция прошлого (о современной деловой активности в светской и религиозной сферах)// Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам. СПб: МАЭ РАН, 2012. С. 340–356.

Сингальские сказки/Сост., пер. с сингал. и англ. и примеч. Б. М. Волхонского, О. М. Солнцевой; предисл. О. М. Солнцевой. М., 1985.

THE SONGS OF THE BULL CARTS' DRIVERS AND THEIR PLACE IN THE SINHALESE FOLKLORE

ABSTRACT. The author explores the history of recording and scholarly study of the Sinhalese folklore. The Sinhalese have got the deep cultural traditions, they love and value their folklore. The folk poetry is performed at almost all the stages of their life and daily work. Some sections of this folklore are dedicated to children and young people, while others to time of love and motherhood, etc. The parts connected with calendar and household as well as with different traditional employments are very rich. A significant amount of folklore texts has already been accumulated, mainly due to the efforts of enthusiasts. The coryphaei and experts, Hugh Neville and G. Parker began to collect these texts in the late XIX - early XX centuries. Nowadays, the Sinhalese regard the popularization of their folklore as a patriotic action. But the theory of Sinhalese folklore is still insufficiently comprehended. The author focuses on the *karatta kavi* (the songs of the bull carts' drivers) and draws upon the literary materials, her own fieldwork experience, and the consultations of some Sri Lankan historians and philologists. She analyses about thirty songs and provides their Russian translation as well as the detailed commentary on them. The author argues that the main functions of the songs are magic and emotional, and they are very important for Sinhalese etiquette and exorcism.

KEY WORDS: mobility, the Sinhalese, Sri Lanka, folklore, *karatta kavi*

Nina G. KRASNODEMBSKAYA — Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)
E-mail: nigekrasno@mail.ru

REFERENCES

Krasnodembskaya N. G. [Sri Lanka: the future as a projection of the past (on modern business activity in the secular and religious spheres)]. *Aspekty budushchego po etnograficheskim i fol'klornym materialam* [Aspects of the future on ethnographic and folklore materials]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2012, pp. 340–356. (In Russian).